

В тринадцать лет Инь Сянь поступил в ученики к Су Цзи. К тому времени Ван Ба обучался здесь уже четыре года. Инь Сянь, избалованный молодой господин с амбициозными планами по возрождению семьи, но весьма скромными талантами, не слишком-то признавал в Ван Ба старшего брата. Ван Ба тоже не питал к нему нежных чувств. По его мнению, новоприбывший напрочь лишился уважения к наставникам и старшим сестрам, только и думая о том, как бы «проявить себя» и переметнуться в более влиятельную ячейку. Проще говоря, парень был обычным приспособленцем.

Дрались они чуть ли не через день, крепя узы товарищества кулаками. Ван Ба вел себя как заправский злодей: стоило Инь Сяню отправиться с подношениями к очередному шибо или шишу, как старший брат тут же преграждал ему путь, после чего оба неизменно отправлялись в дисциплинарный карцер за рукоприкладство. Инь Сянь тоже не уступал, отыгрывая роль классического безмозглого статиста. Стоило Ван Ба достичь успехов в медитации и пойти докладывать Су Цзи, как младший из кожи вон лез, совершая прорыв, а затем презрительно цедил:

— Старший брат? И это всё, на что ты способен?

Среди сверстников никто, кроме Гу Пань, не горел желанием связываться с этой парочкой высокомерных безумцев, пригретых под крылом Су Цзи.

Подобное безобразие продолжалось года два, пока великий педагог Су Цзи не решила преподать им урок. Пора бы уже соплякам узнать, насколько суров этот мир, сплотиться и направить агрессию вовне. В конце концов, только настоящая командная работа заслуживает права стать ядром великих свершений и обрести нимб избранников судьбы! В те дни на слуху как раз было тайное царство Персикового Источника. Су Цзи велела обоим отправиться туда, провести разведку и составить подробный отчет. И предупредила: без боевой мощи уровня Царства Великого Истока назад не возвращаться. Чтобы доказать, что ее требования не взяты с потолка, почтенная наставница поручила своей любимице Гу Пань показательно поколотить троих старших братьев из Царства Великого Истока, хотя сама Гу Пань находилась лишь на начальной стадии Царства Великого Начала.

Называть это место «тайным царством» было явным преувеличением. По сути, Персиковый Источник являлся скрытой частной обителью, владелица которой по настроению открывала двери на пару дней. Она принимала зашедших на огонек «предначертанных судьбой» гостей, предлагая им своеобразное меню-омакасэ из духовных сокровищ: от десятилетиячелетнего линчжи до увесистых затрещин. Женщина явно опередила свое время, став первопроходцем концепции «авторских заведений». Тайным царством обитель прослыла лишь потому, что отзывы побывавших там разнились от восторга до глухой ненависти, но никто из выживших принципиально не раскрывал подробностей своего визита.

Ван Ба и Инь Сянь, которых природа не обделила привлекательностью — пусть и в совершенно полярных стилях, — благополучно разнесли к чертям очередную гору и по чистой случайности наткнулись на открытие врат. Контролируя каждый шаг друг друга, они рванули внутрь.

В этой обители соратник представлял куда большую угрозу, чем любые охранные формации.

Не успев собрать хоть какие-то сведения, юноши провели двое суток в режиме «дружеского диалога», суть которого сводилась к простой формуле: «Эту траву снежного дракона я забираю себе, а заодно прихвачу твои печень, легкие и почки». Хозяйка усадьбы, госпожа Таохуа, прождала двое суток, предвкушая визит вежливости от симпатичных юнцов. Не дождавшись, она вышла во двор и обнаружила, что те лежат у полуразрушенного пруда, трогательно сжимая ладони друг друга, словно ниндзя из восточных земель, застигнутые врасплох неприятелем.

Госпожа Таохуа, будучи коренной нечистью Центрального континента, терпеть не могла подобное преклонение перед заморской эстетикой ниндзя. Она мгновенно применила технику притяжения, вытряхнув из горе-бойцов всё до нитки — от пространственных колец до содержимого карманов. Правда, в процессе досмотра выяснилось, что Инь Сянь принадлежит к настоящему императорскому роду, поэтому его пожитки она милостиво вернула.

Придя в себя, молодые люди вежливо поблагодарили могущественную наставницу за спасение жизней. После чего Ван Ба долго и молча созерцал безупречно одетого Инь Сяня. Младшего брата эта ситуация тоже задевала за живое. Как бы они ни враждовали с Ван Ба, Инь Сянь никогда не козырял своим происхождением, а госпожа Таохуа бесцеремонно нарушила это негласное табу.

Госпожа Таохуа поинтересовалась у Ван Ба, не обидно ли ему и не видит ли он в этом несправедливости. Тот лишь глухо буркнул в ответ:

— Я ведь старший брат. В чужих краях мне и положено заботиться о младшем.

В те годы госпожа Таохуа уже стояла на пороге вознесения в ранг Бессмертного почтенного. Разум Ван Ба лежал перед ней как на ладони, так что она сразу поняла: парень не лукавит. Удрученный потерей нажитого добра юноша показался ей на редкость очаровательным. А вот Инь Сянь выглядел слишком угрюмым и мрачным — для практик парного совершенствования и вытягивания янской энергии такой типаж не годился. В итоге она спросила у Ван Ба, не желает ли он проследовать за старшей в опочивальню, дабы изучить один редкий трактат, светящийся в темноте. Ван Ба, испытав глубочайшее душевное потрясение, ответил вежливым, но твердым отказом, после чего схватил Инь Сяня в охапку и поспешил к выходу.

Госпожа Таохуа слыла натурой благородной. Она презирала принуждение и насилие, ратуя исключительно за добровольное слияние душ. Посему отказ пятнадцатилетнего Ван Ба она приняла спокойно. Расстались они полюбовно: хозяйка даже преподнесла ему прощальный дар — благословение, увеличивающее боевую мощь на треть в моменты наивысшего эмоционального накала и яростной битвы. Но поскольку дама она была авторитетная, оставлять лакомый кусочек другим претенденткам не собиралась. Свое благословение она запечатала в виде киноварной метки целомудрия. И стоило Ван Ба войти в раж во время боя, как эта метка начинала гореть ядовито-красным огнем. Мол, дело не в том, что госпожа не сумела его соблазнить, а в том, что юноша в принципе никому не достался.

В ту пору Инь Сянь еще враждовал с Ван Ба, поэтому и не подумал предупредить брата. Позже, когда они помирились, ворошить прошлое уже не хотелось. Так они и прожили почти сотню

лет.

Вся соль заключалась в том, что пять лет назад госпожа Таохуа приняла предложение о мире и стала почетным приглашенным старейшиной секты Чжэнъе. Ее зачислили как раз на пик Динъюань, которым управлял Ван Ба. Она частенько зазывала его на вино, а Ван Ба наивно полагал, будто почтенная преследует исключительно высокие цели. Оказалось, коварная женщина просто регулярно проводила ревизию своего «замороженного» имущества!

Ван Ба несколько раз порывался что-то сказать, разводил руками и бессильно опускал их. Инь Сянь же ничуть не смутился и непринужденно перевел тему:

— Из души Чжао Юя удалось что-нибудь выудить?

Ван Ба, который уже успел перетряхнуть душу покойного, с сожалением вздохнул:

— Примерно то же, что и у тебя. На его разум наложили мощную печать. Стоило мне сунуться глубже, как сработала защита, и всё самоликвидировалось. Знать бы заранее, я бы доставил этот ошметок сознания нашей наставнице. Она бы точно разобралась.

Инь Сянь понимающе кивнул. Духовные силы Ван Ба превосходили его собственные, так что в вопросах чтения чужих душ старшему брату не было равных.

— Но есть еще кое-что, — добавил Ван Ба. — Мотай на ус: нам с братом Чжао пора делать ноги. Выяснилось, что пришедший с тобой Тань Цинлу приходится нашему бедолаге и дедушкой, и... кхм, тайным возлюбленным.

Тань Цинлу, он же Бессмертный почтенный Ниншуан, входил в состав комиссии Комитета по разработке недр, приславшего ревизию. Звание почтенного он носил меньше века, а потому причислял себя к «молодежи» и регулярно пытался сплотить вокруг себя Инь Сяня и прочих сверстников для создания собственной фракции.

Инь Сянь вытаращил глаза и внешне совершенно опешил:

— Мать моя женщина, ну и вертеп! Теперь понятно, почему из-за этих сплетен он засуетился больше меня. Этот Ниншуан — тип старой закалки, на дочернюю линию ему глубоко плевать, иначе не стал бы путаться с собственным внуком. Но скажи на милость, где ты ему еще умудрился насолить, раз он так рьяно ищет повод прижать тебя к ногтю?

Ван Ба честно признался:

— Чистейшая правда: его незаконнорожденный отпрыск принял постриг в Храме Холодных Цикад и спал и видел себя в кресле настоятеля. А этот притон мы, как ты помнишь, недавно благополучно прикрыли.

— А, ты про Цзикуна? — прыснул Инь Сянь. — Тот еще фрукт, весь в папашу. Изображает из себя святошу, а сам последние дни бегал за мной как клоун, голоса выпрашивал. — Второй брат усмехнулся: — Что ж, тогда готовься. На прощание я отвечу тебе еще один неслабый удар ладонью. Не благодари.

— Неужели бесплатно? Я растроган до глубины души, — Ван Ба прижал ладонь к сердцу и комично отшатнулся. — Признайся, тебя ведь просто захватил разум Чжао Суя!

Инь Сянь молча продемонстрировал ему средний палец. Ван Ба сокрушенно покачал головой:

— Фу, как некультурно, младший брат. Ладно я, человек привычный, но зачем ты так нещадно рушишь благообразный облик нашего дорогого приятеля Чжао?

— Если он тебе так мил, я упакую его и пришлю после того, как всё уляжется. Я тут на досуге провел изыскания: осквернение хладного трупа метку целомудрия не активирует.

— Позволь спросить, на какие такие гранты ты ведешь столь узкоспециализированные исследования? Не на те ли деньги, что я заработал ценой собственной невинности?!

Тайное царство Звезд и Луны

Скрыв свое присутствие под покровами невидимости, они покинули обитель и юркнули в густые заросли неподалеку от выхода. Тайное царство Звезд и Луны славилось запутанной географией: четыре входа, три выхода, да еще и открывающиеся в разное время. Ван Ба некогда перекинулся парой слов с феей Минье на церемонии возрождения секты Чжэнъе, пока его не оттащила в сторону Су Цзи. Из той беседы он вынес твердое убеждение: Минье далека от образа добропорядочной праведницы.

Недавно Сюй Мингуан угощал его вином, в рецепт которого входили травы древнего вида, возвращенные именно здесь. Как раз сейчас несколько таких свежих побегов зеленели прямо под ногами притаившегося Ван Ба.

Вскоре у соседней цветочной поляны послышались торопливые шаги. Это была Ян Чжэн в окружении преданных почитателей. Спутники наперебой уговаривали ее не корить себя, на что девушка лишь сокрушенно взмахивала руками:

— Прошу вас, благородные даосы, не беспокойтесь обо мне! Не стоит тратить драгоценное время испытаний на мои печали. Но если я останусь здесь... что будет со старшим братом? Он... раз уж второй брат высказался в подобном ключе, то Ван Ба из гордости не притронется ни к единой травинке в этом месте! Но его раны так тяжелы... Даже если у третьего молодого господина Чжао найдутся снадобья, это вряд ли поможет... Ах, лучше расходитесь. Если вдруг

встретите моего старшего брата, помогите ему, заклинаю вас. Хотя бы ради меня!

Слушая излияния «младшей сестры», Ван Ба, лениво сплетавший стебли щетинника, снова помрачнел. Незнакомый с повадками Ян Чжэн человек непременно растрогался бы до слез от ее мнимого благородства. Ее верные обожатели наверняка уже мысленно клеймили Ван Ба позором за то, что тот посмел покуситься на скромную долю бедной сиротки. Однако сам Ван Ба прекрасно понимал: сестрица просто исходит ядом и злорадно напоминает ему о слухах.

«Да и какая разница? — философски рассудил Ван Ба, потеряв переносицу. — У меня эта метка непорочности разве что на лбу не горит, так почему бы мне не завести себе смазливую дружка?»

Пока он предавался размышлениям, два наиболее ретивых поклонника Ян Чжэн, не поделив благосклонный взгляд дамы сердца, увлеченно принялись чистить друг другу физиономии. В пылу яростной схватки один из них упустил передававшуюся из поколения в поколение фамильную нефритовую подвеску. Артефакт описал красивую дугу в воздухе, рухнул прямоком в кусты и аккуратно лег в раскрытую ладонь Ван Ба.

В этот самый миг зашумели потоки энергии — открылся один из выходов тайного царства. Просканировав подвеску ментальным взором, Ван Ба получил от Инь Сяня подтверждение: внутри содержались сведения о той самой сбежавшей с любовником молодой госпоже У Сацзи. Не став раздумывать, планирует ли фея Минье прихлопнуть беглянку или преследует иные цели, напарники единым росчерком рванули наружу. Выскочив из прохода, они синхронно развернулись и нанесли мощный удар ладонями назад, напрочь дестабилизировав пространственный коридор. После чего, наложив на себя с два десятка маскирующих плетений, припустили в глубь Центрального континента.

Шутки шутками, а сотрудничество сотрудничеством, но если бы фее Минье представился хоть малейший шанс придушить Ван Ба и переплавить его останки в послушную марионетку, она бы своего точно не упустила.

Предчувствия их не обманули. Уже в следующую секунду до них донесся яростный рев Сюй Пинчэня:

— Паршивец Инь Сянь! Как ты смеешь вставать у меня на пути?!

— Это вам, суверен Сюй, следовало бы померить пыл и проявить уважение! — ледяной голос Инь Сяня звенел металлом, ничуть не выдавая того, что юноша только что выдержал сокрушительное столкновение с разъяренным главой секты. — Вы с даосом Ваном оба пребываете в ранге Бессмертных почтенных. Ваша охота за ним — ваше личное дело, но поднимать руку на беззащитную младшую сестру... Поистине великая доблесть!

Ван Ба без труда представил, как досужая толпа зевак уже обступила Ян Чжэн, восторженно вздыхая: «Ах, как нежно заботится о тебе твой старший брат!» — словно тот вручил ей не грозный Меч Сдерживаемого Света, а бутылочку сладкого молока. Впрочем, сейчас ему было

не до чужих драм: собственная шкура дороже. Кто бы мог подумать, что стоило им вырваться из тайного царства, как на хвост им мертвой хваткой сел карауливший снаружи писака из Общества Драконьих Лодок!

Этот надоедливый борзописец, судя по колебаниям ауры, едва дополз до полушага к Золотому Ядру. Однако он умудрялся бежать наравне с ними, на ходу вытягивая длинный шест с закрепленным на конце звукозаписывающим артефактом:

— Бессмертный почтенный Иньмин! Не уделите ли минуту, дабы прояснить вашу позицию касательно данного инцидента?

— Какое еще «прояснить», идиот! Жить надоело?! А ну брысь отсюда! — Ван Ба одним небрежным щелчком разнес назойливый артефакт в щепки, подхватил под мышку хрупкое тело Чжао Суя, находящегося всего лишь на стадии Золотого Ядра, и припустил еще быстрее.

— Значит, шишу И не солгала! — репортер благоговейно прижала ладонь к губам, а из ее глаз хлынули слезы умиления. — Оказывается, Бессмертный почтенный Иньмин любит столь глубоко и преданно! Десятилетиями притворяться твердокаменным натуралом лишь ради того, чтобы наставить младшего брата на путь истинный... Терпеть гонения, наветы и всё ради того, чтобы в итоге открыть израненное сердце юному Чжао, так похожему на его возлюбленного! Это... это поистине материнское самопожертвование!

— По моему разумению, я простой деревенский парень, — озадаченно прищелкнул языком Ван Ба. — Откуда у меня, черт возьми, взялись эти безумные фанатки-мамочки? Видать, к успеху иду.

«Чжао Суй» резко повернул голову и рывкнул на ходу:

— Ты из какого вообще отдела, писака?!

— Старший брат Чжао, это же я, Вэнь Чунь! — восторженно заверещала репортер. — Этот Бессмертный почтенный Цзинмин в этот раз действительно перешел все границы! Уж я постараюсь, состряпаю парочку разгромных статей в твою поддержку! За репутацию не переживай: в любви тот, кого не любят — третий лишний!

— Сам ты лишний, урод! Пошел вон! — в сердцах выругался «третий молодой господин Чжао». Ван Ба же, напроць лишенный осознания того, что вообще-то является главным виновником этой мыльной оперы, покатился со смеху.

«Чжао Суй» сухо кашлянул и сердито пригрозил:

— Ты хоть понимаешь, идиот, что подобные бредни у тебя никто не купит? Смотри у меня, мигом получишь судебную претензию от Бессмертного почтенного Цзинмина!

Вэнь Чунь восторженно вскрикнула и принялась строчить на лету:

[Срочно в номер: Бессмертный почтенный Цзинмин идет на таран ради любви! «Мне плевать, что он продает себя! Но я обязана знать имя покупателя!»]

— Твою дивизию, кто тебя вообще подослал? Ты хоть понимаешь, что за клевету придется отвечать головой?!

— Да ну его к лешему, не трать на него слова. Разбегаемся!

Стоило Ван Ба договорить, как пространство вокруг него подернулось рябью. Он мгновенно разделился на три безупречные копии. Каждая из них подхватила под мышку по «Чжао Сую», после чего все четверо рванули в абсолютно разных направлениях.

Вэнь Чунь и затаившиеся в засаде вольные совершенствующиеся дружно ахнули:

— Великое заклинание Одно дыхание превращается в три чистых!

История техники «Одно дыхание превращается в три чистых»

Эта древняя техника не была утеряна окончательно, но с тех пор, как десять тысяч лет назад мир покинул последний вознесшийся патриарх, овладеть ею удавалось единицам. Появление на рынке более дешевых и простых техник создания двойников сделало ее крайне невыгодной по соотношению затрат энергии и результата. Лишь несколько старинных и сказочно богатых орденов вроде секты Дацин продолжали финансировать исследовательские проекты по этой дисциплине. А поскольку секта Чжэнъе век назад превратилась в пепелище, да и сам Ван Ба слыл в кругах культиваторов исключительным мужланом и твердолобым воином, никто и помыслить не мог, что он способен выкинуть подобный фортель!

И пусть большинство преследователей знали об этой технике лишь по слухам, неоспоримые достоинства заклинания «Одно дыхание превращается в три чистых» были общеизвестны. Оно практически не требовало затрат духовной энергии, сотворенные воплощения обладали полноценной свободой воли и разумом, а отличить их от оригинала не мог даже искушенный мастер в ранге Бессмертного почтенного. Подобное совершенство в сочетании с закрытым ныне путем к вознесению превращало технику в недостижимую мечту. Она была подобна богатой красавице-воительнице: те, кому она не светила, могли лишь завистливо ворчать, называя ее «абсолютно непрактичной».

Ван Ба своим трюком буквально напросился на неприятности. Бежишь — так беги себе молча! Зачем разбрасываться высшим искусством ради какого-то захудалого писаки? Теперь уж преследователи сочли за долг чести изловить наглеца, пока тот слаб, и выбить из него

заветный свиток.

То, что репортер Вэнь Чунь безнадежно отстал, никого не смутило. Десятки скрывающих лица преследователей тут же разделились на четыре отряда и бросились в погоню, на ходу меняя обличья.

Они лишь не учли, что хитрый Ван Ба успел применить заклинание еще дважды. В суматохе он преспокойно затесался в ряды самих преследователей, а затем, улучив момент, благополучно «отстал от группы». Разумные люди обычно питали благоговейный трепет перед столь могущественным волшебством. Никому и в голову не пришло бы устраивать подобные махинации — разве что нищим оборванцам из секты Чжэнъе, привыкшим выжимать выгоду абсолютно из всего.

Когда в свое время секта Чжэнъе подверглась жестокому истреблению, ее библиотеку вычистили дочи́ста. Су Цзи тогда была лишь скромной владелицей одного из пиков. Из-за сомнительной родословной и половой принадлежности дела ее шли ни шатко ни валко, и доступа к закрытым архивам с божественными техниками она не имела. К тому же, все ее помыслы занимал путь меча, а к заклинаниям она относилась пренебрежительно — мол, сойдет, чтобы занять учеников хоть каким-то делом. Вот и вышло так, что среди четверых выживших первым это тайное искусство освоил именно Инь Сянь.

Оставшись без крыши над головой, наставница и трое ее подопечных сполна познали людское коварство и равнодушие. Поняв правила игры, они принялись планомерно мстить обществу: скрытно проникали в чужие архивы и переписывали ценные фолианты. Если же на пути попадался старый недруг, церемониться не стали — поместье вычищалось под ноль. Они не желали слушать слезливые причитания в духе: «Ах, это ведь дела давно минувших дней, зачем ворошить старое? Давайте забудем обиды и вместе построим светлое будущее Центрального континента!»

По забавной случайности, заветный манускрипт некогда принадлежал роду Инь, но считался там бесполезным хламом. Во время погрома свиток прибрал к рукам один из старейшин секты Укрощения Людей. Гу Пань, устроив тому классическую «медовую ловушку», без лишнего шума экспроприировала ценность.

Мотив самой Су Цзи для освоения этого искусства был прост до банальности. Обычные иллюзорные двойники при переписывании книг не позволяли разуму постигать суть написанного, что сильно тормозило духовный рост наставницы. А копировать манускрипты приходилось тоннами — для возрождения великого ордена богатая библиотека требовалась не меньше, чем сильный лидер.

Воспоминания о восстании на острове Пуцзи

Пока Су Цзи в процессе изнурительных тренировок теряла клочья своей драгоценной лисьей

шерсти, Инь Сянь ухитрился полностью овладеть техникой.

В то время наша честная компания как раз удачно обменяла несостоявшегося суженого Гу Пань на горы холодных духовных камней. Начальный капитал жег карманы и привлекал слишком много нежелательного внимания, поэтому беглецы решили покинуть окрестности Лои и податься на юг — устраивать революцию на острове Пуцзи.

Этот древний клочок земли поддерживал тесные торговые связи с Западным континентом и умудрился выстроить совершенно дикую общественную систему, в которой гармонично уживались рабовладельческий строй, феодализм и дикий капитализм. Когда наша четверка, спрятавшись в трюме невольничьего судна, тайно сошла на берег Пуцзи, перед ними предстало угасающее, прогнившее насквозь государство.

Корабль работорговцев принадлежал семье того самого бывшего жениха. Именно благодаря постоянному притоку бесплатной рабочей силы местная знать могла диктовать беднякам кабальные условия труда. Возражения не принимались: «Не нравится работать за гроши — найдем тех, кто согласен». А сверхприбыли снова пускались на закупку живого товара.

Разорвать эту порочную цепь с ходу не представлялось возможным. Тогда Су Цзи с учениками внедрились в систему, начав подрывную пропаганду среди невольников. Попутно они освободили немало своих бывших соратников, угнанных в рабство после падения ордена. Обретя верных помощников, мятежники за пару месяцев превратили остров в полыхающий костер бунта.

Су Цзи, будучи девятихвостой лисицей, изгнанной из Цинцю за примесь человеческой крови, обладала врожденным даром очарования, что позволяло ей виртуозно вешать лапшу на уши местным богатым. Инь Сянь нацепил личину покойного жениха Гу Пань, уверяя всех, что инсценировал кончину ради выполнения «секретного поручения господина». Вместе с наставницей они развернули такую сеть интриг и фальсификаций, что местное дворянство только диву давалось.

Ван Ба тем временем без всяких усилий втерся в доверие к низам общества. Возглавив отряд боевых оторв из уцелевших учениц, он принялся сеять смуту среди угнетенных. Получая точнейшие разведданные от Инь Сяня, он громил карательные отряды один за другим и едва не примерил корону лидера повстанцев.

Мятежников на острове хватало и без них. Отряд Ван Ба состоял в основном из беглых рабов, но помимо них свои силы пробовали мятежные генералы, жаждущие урвать кусок земли, вечно протестующие книжники, мародерствующие латифундисты и разъяренные крестьяне со снопами наперевес. Ван Ба исправно отыгрывал роль простого невольника. Подконтрольные ему бунтари шли под лозунгом: «Восемь часов на работу, восемь на медитацию, восемь — на личную жизнь!»

Разумеется, именно его крестьянское ополчение чаще всего попадало под удары правительственных войск. В итоге они выработали идеальную тактику провокаций. Су Цзи

подстрекала вельмож проучить зарвавшуюся чернь, Инь Сянь и Гу Пань сливали планы карателям, выступая в роли двойных агентов, а Ван Ба с товарищами устраивал образцово-показательную засаду, после чего с чистой совестью грабил поместья нападавших.

Спустя два года непрерывной резни аристократы взмолились о пощаде и затребовали мирных переговоров. Раньше создание мифов о «великих героях» оставалось их исключительной привилегией, но теперь банда Ван Ба штамповала «избранных судьбой» пачками. Стоило крестьянам потерпеть поражение, как пара-тройка вчерашних пахарей прямо на поле боя совершала прорыв и устраивала тотальную зачистку. Этот конвейер одинаковых чудо-богатырей лишал войну всякого смысла.

За столом переговоров представители рабов и крестьян потребовали всеобщего права на образование и повсеместного внедрения духовных практик в деревнях. Книжники эту инициативу горячо поддержали — хотя половина из них просто надеялась выудить у чиновников побольше субсидий. Вельможи же сокрушенно разводили руками:

— После гражданской войны страна лежит в руинах! Если вы откажетесь гнуть спины на плантациях, как нам возродить величие Южного континента?

Бывшие рабы лишь ухмылялись:

— С какой стати? Мы не уроженцы Южного континента и восстанавливать ваши дворцы не нанимались.

Хозяева предлагали им гражданство и земли, но те стояли насмерть:

— Ни за что! Мы никогда не предадим свой рабочий класс!

Переговоры мгновенно зашли в тупик.

Слушая эти споры, Инь Сянь внезапно поймал озарение. Позже он вспоминал свои рассуждения: если овладеть техникой «Одно дыхание превращается в три чистых», можно заставить одно воплощение пахать двадцать четыре часа в сутки, второе — столько же времени тратить на медитацию, а третье оставить исключительно для личных нужд. Если сократить общий знаменатель, выходила безупречная формула счастья для любого пролетария! Более того, такой подход позволял не только стахановскими темпами восстановить остров, но и стремительно поднять уровень собственного развития. Кругом сплошная выгода!

Ван Ба тоже прикинул в уме: затраты духовных сил мизерные, разумом копии наделены полноценным — считай, даровая рабочая сила! А упускать халяву в их ордене считалось смертным грехом. Когда Ван Ба только-только перешагнул порог Царства Великого Начала, он в качестве награды спустился в деревню у подножия горы, где слопал три порции риса сверх меры под издевательский хохот Инь Сяня, который в итоге и оплатил счет... Так неужели теперь, имея на руках столь царский подарок судьбы, они не потребуют добавки?

В итоге представитель знати по имени Инь Сянь и вождь восставших Ван Да прямо за столом переговоров пришли к высшему пониманию сути вещей. Сойдясь в смертельной схватке в самом центре столицы, они бились трое суток, разнеся половину города и уложив кучу народу. Буйство зашло так далеко, что пробудило ото сна старейшего владыку острова, давно отошедшего от дел. Могущественный Бессмертный почтенный лично снизошел в мир и стер обоих смутьянов в порошок, тем самым официально положив конец гражданской войне.

Когда же победитель с чувством выполненного долга вернулся в собственную уединенную обитель, его встретили лишь гулкое эхо и абсолютно пустые стены.

Четверо заговорщиков — наставница и ее верные ученики — общими усилиями прикончили этого могущественного союзника секты Укрощения Людей. Полезных сведений из его памяти выудить не удалось, зато они освободили томившихся в подземельях братьев и воочию увидели, как над истерзанным островом наконец взошло новое солнце, согревая своими лучами свободный народ.

<http://bllate.org/book/19845/1986249>